

-АЛЕКСАНДР ПИРАЛОВ-

УЛЫБКА АНАИТ

Александр Пиралов

Улыбка Анаит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51571604

Улыбка Анаит:

Аннотация

Жизнь разлучает их на многие годы, однако силы притяжения друг к другу заставляют преодолевать препятствия, чтобы реализовать это божественное предназначение – быть вместе.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Пиралов

Улыбка Анаит

*Наилу Еникееву и всем друзьям моей бакинской
молодости*

*«Почему у вас часы растекаются? –
спрашивают меня. – Но суть не в том, что
они растекаются! Суть в том, что мои часы
показывают точное время».*

Сальвадор Дали

Часть первая

Глава 1

1

– С каких слов начинаются «Двенадцать стульев»? – спросил я, считавший себя знатоком романа и потому присвоивший себе право экзаменовать всех и каждого на его знание.

Мне было двадцать два, я был невероятно самоуверен и – подобно подавляющему большинству молодых нахалов – страдал от завышенных самооценок.

– А с каких слов начинается двадцатый Сонет Шекспира? – последовал немедленный ответ, и я, уже успевший на отлично сдать экзамен по зарубежной литературе, почувствовал себя крайне неуютно.

Сонет был мне неизвестен, и вообще к подобным вопросам я не привык, относя их к сфере собственных прерогатив, а то, что мне моим же оружием дала сдачи девчонка, уже больше походило на позор.

Девчонку звали Анаит.

Я даже ухитрился уронить нож, дабы был повод залезть

под стол и оценить ее ноги, которые оказались очень даже приличными, и уже этого было достаточно, чтобы ангажировать их на твист.

Назвать ее красавицей» я бы не рискнул. Точнее была бы цитата из Фаины Раневской: — «Я никогда не была красива, но всегда была чертовски мила».

Она была действительно мила, притом чертовски. Большие выразительные глаза, цвет которых составлял резкий контраст матовой коже, столь распространенной на юге с характерным для него смещением кровей, светились некоей недосказанностью, будто бы она задалась целью оставаться для окружающих не совсем понятной. Тонкие, но вместе с тем чувственные губы были изящного волнистого рисунка и вместе с острым подбородком образовывали на редкость изысканный ансамбль, и казалось, ей не хватало только шляпки с вуалью, чтобы сойти с рекламы польских духов «Быть может...», от которых с ума сходили в ту пору все женщины. И вообще вся она светилась некоей экзотичностью, будто была обительницей затерянного в океане острова, чудом оказавшаяся среди стандартных акселератов конца шестидесятых, грезивших «Битлзом», твистом, КВНом и джинсами. Но больше всего в ней поражала почти достигавшая талии коса. И даже не столько сама коса, сколько то, что ее не срезали, как давно сделали все мои знакомые девчонки, а напротив носили с подчеркнутым вызовом, как драгоценный раритет.

– Ну, забыли, а может, не знаете? – спросила Анаит, одновременно не позволяя мне войти в танце в контакт больший, чем позволяли действовавшие тогда правила приличия.

Она пришла на вечеринку, заручившись прикрытием, сказав родителям, что будет ночевать у подружки. Об этом мне стало, конечно, известно много позже, а сейчас я просто оценивал свои шансы на успех и находил их более, чем призрачными, ибо она прямо-таки исходила строгими семейными установками, сформированными южным моральным кодексом, а это была такая стена, через которую было не перепрыгнуть даже самым матерым наездникам, к коим у меня все-таки хватало ума себя не причислять.

– Шекспир не принадлежит к числу моих любимых авторов, – почти соврал я, признавая свое поражение и стараясь не замечать ее торжествующей улыбки.

Мы танцевали под Леннона, и мой закадычный друг Белый Гамлет (альбиносы у армян – большая редкость, и потому это было чем-то вроде его визитной карточки), устроивший вечеринку по поводу своего дня рождения, был невероятно горд, что ухитрился разжиться записями ливерпульской четверки. Они с Анаит были заняты в главных ролях в спектакле народного театра по культовой пьесе того времени «104 страницы про любовь», и Гамлет – без всякой надежды на успех – пригласил ее, но, как ни странно, она пришла.

И теперь дело двигалось, похоже, к сто пятой странице.

Гамлета я сумел отодвинуть, и тому пришлось сесть к сво-

ей Терезе, которая сохла по нему, как герань в обезвоженном горшке. Вне себя от радости, она тотчас же снеслась здравницей. Очередной тост, хоть на мгновение, нас с Анаит и разделил, но не понудил меня отпустить ее руку даже, когда я ухарски осушал бокал. И как только Леннон зазвучал вновь, мы опять были в круге. Она шла за мной охотно, даже позволив взять себя за талию, что было неслыханной смелостью, ибо женская талия в процессе ухаживаний была в ту пору едва ли не такой же запретной зоной, как и грудь.

– Вы хотите меня спросить еще о чем-то? – любопытствовала она, видимо, сочтя мою дерзость сигналом к продолжению дискуссий.

– Да, хочу...

Ни в меру либеральные родители Гамлета, поздравив сына ключами от мотоцикла, сделали ему подарок по тем строгим временам гораздо больший – уехали на выходные к друзьям в Сумгаит. И теперь счастливый именинник выключил весь свет. Компания разошлась по углам, и в комнате остались лишь мы с Анаит.

– О чем же?

– Вас можно поцеловать?

– Разве об этом спрашивают?

Я пытался сообразить, как воспринять эти слова, как поощрение или, напротив, вызов или даже предостережение, и, так и не найдя ответа, пошел по стандартному пути, сперва прикоснулся к ее губам, а потом медленно взял их в се-

бя. Но вместо ожидаемых пощечин, которые в ту пору еще из моды не вышли, я чувствовал, что моя ласка не только принята, но и возвращена, и теперь мы жадно целовались, не обращая внимания на пару, которая неожиданно вошла в комнату и начала танцевать рядом.

Потом Анаит чуть-чуть отстранилась, но танцевать мы продолжали, и когда вновь остались в комнате одни, и когда Леннона сменил Высоцкий, записи которого были в таком же дефиците, как и «Битлз», и даже когда стало светать.

Я сказал Анаит, что провожу ее, и она тотчас же согласилась, хотя и пришла с Гамлетом.

Бакинские рассветы, когда небо как-то сразу неожиданно приобретает бледно-шафрановые тона, а воздух с едва уловимым зефиром с нефтяных промыслов еще сохраняет прозрачность и свежесть ночи, – рассветы особые. В такие минуты чувствуешь, будто рождаешься заново. Со мной, во всяком случае, так оно и было.

Мы медленно шли улицами еще спящего поселка. Носил он в ту пору имя Степана Разина, поскольку находился у подножья горы с пещерой, где по легенде прятался со своей дружиной знаменитый атаман. Поселок утопал в цветущей сирени, и это почему-то множило мое ухарство, да так, что моя рука непостижимым образом не покидала ее плеча. А уже в «городе» (на языке жителей пригородов «городом» звался сам Баку) я рискнул на улице поцеловать ее вновь. При людях, средь бела дня! Это нарушало уже все местные пред-

ставления о приличии, и желчный чистильщик обуви, раскладывавший под навесом свои причиндалы, тут же пошел орать, будто сел на бочку со скипидаром:

– Ахчи¹, что делаешь?! Отец увидел бы, убил...

– Это верно сказано, – заметила она.

– Что, очень строгий? – спросил я.

– Не то слово. Уже трех сватов выпроводил.... Даже на репетицию приходил. Потребовал от режиссера убрать сцену с поцелуем, а не то уберет из театра меня.

– А режиссер что?

– Думает...

И помолчав, добавила:

– Если хочешь, чтобы я с тобой ходила, ты должен отцу понравиться. А это трудно.

– А что в нем такого особенного?

– Он чернокнижник, – ответила Анаит также просто, как если бы ее отец был завмагом.

– Что? – Мне показалось, я ослышался.

– Что сказала.... Про него слухи ходят, что он знаниями владеет ...от нечистой.

Для рядового советского студента это было уже слишком.

– Я в это не верю.

– Твое дело...

После этих слов в ней что-то изменилось, будто она сама не верила в то, что говорит, и теперь будто стеснялась ска-

¹ Девушка (арм.)

занного, и словно в подтверждение моей догадки, добавила:

– Теперь я пойду одна. Если хочешь меня увидеть, приходи к нам сегодня в семь. Я живу в том дворе, видишь пристройку с черепицей?.. Там...

Дома я залез в энциклопедию и прочел, что чернокнижниками называли любителей магии, у которых от бесов были знания, которые они заносили в свою черную книгу или гримуар. Отсюда и название – «Чернокнижник».

Я был так заинтригован словами Анаит, что не знал, как дожидаться вечера, а, оказавшись в ее дворе, долго не мог найти сооружения с черепицей.

2

Это был старый добрый бакинский двор, до предела перегруженный пристройками, надстройками, подвалами, верандами, экерами, балконами, лестницами, над которыми нависали антресоли этажей с неизменными виноградными навесами, и через все эти нагромождения были протянуты веревки с сохнувшим бельем. Тому, кто не знаком с местным укладом, разобраться в этой «грамоте» еще сложнее, чем в китайской. И уж тем более, кого –то найти. Но первую же дверь, в которую я рискнул без всякой надежды постучать, открыла... Анаит.

– Заходи, он ждет тебя, – почему-то шепотом сказала она, а потом уже гораздо громче добавила: – Это Тимур, папа!

Того, что понимается под прихожей, здесь не было, и я сразу же оказался в комнате, до предела заставленной шкафами, набитыми разномастным по ценности антиквариатом, среди которого преобладали статуэтки Будды и индийских божеств. Но больше всего поражало обилие книг. Они были везде, даже на столе и полу, и могло показаться даже, что это не квартира, а отдел библиотеки, хотя такое впечатление сохранялось недолго, поскольку собрание было совершенно бессистемно. Книги, имевшие букинистическую ценность (как без пяти минут филолог, я это сразу же оценил), соседствовали с откровенным ширпотребом социалистического реализма, а огромное количество подписных и академических зданий со справочниками и подшивками.

Среди этого разномастного выставления, в кресле, вполне достойном диккенсовской лавки древностей, восседал невероятно худой человек с желтоватым, изможденным и аскетичным лицом, свидетельствовавшим скорее о нездоровье, и пронзительными глазами, которые мгновенно проникли в меня, как две рапиры, нанизывая по самую рукоятку. Роста он был ниже среднего, а одет для дома весьма аккуратно и своеобразно – в добротный серый костюм и белую рубашку с черной бабочкой в горошек. В нем было что-то паучье, возможно, этому содействовали непропорционально длинные к туловищу руки с желтоватыми пальцами, на одном из которых поблескивало кольцо с агатом. Разглядывая меня, он шевелил губами, словно бормотал какое-то, известное только

ему заклинание. Разглядывал долго, слишком долго, так что мне постепенно стало отчаянно не по себе, и в тот момент, когда я собирался уже уходить сказал, наконец, хрипловатым тенорком:

– Садись...

Это не было предложением, это было приказом.

Когда я устроился в скромном кресле напротив, он, продолжая разглядывать меня, похоже, вообще погрузился в медитации, а когда молчание стало уже невыносимым, сказал:

– Меня зовут Тигран Саркисович... Что тебе нужно от моей дочери?

К этому вопросу я был совсем не готов и теперь лихорадочно соображал, как ответить, и, не найдя ничего подходящего, ляпнул первое, что пришло в голову:

– Она мне очень нравится.

Тигран Саркисович не спускал с меня глаз и, казалось, обдумывал очередной вопрос.

– Кто твои родители?

– Отец умер, мать – учительница...

Последовала пауза, и было слышно, как жужжит залетевшая в стакан муха. Анаит сидела на тахте и смиренно не принимала участие в мужском разговоре. Допрос продолжался.

– Хай ес?²

– Я хотел было ответить расхожей в то время бакинской

² Ты армянин? (арм)

хохмой – «Че³, итальяно», но вовремя сообразил, что здесь и тем более сейчас подобные шутки более, чем неуместны.

– Нет.

– А кто?

Я решил не лгать.

– Полукровка...

Он поднялся с кресла, и только тогда я обратил внимание на его сутулость, это был почти горб, придававший облику хозяина нечто зловещее. Подойдя к письменному столу, он поднял оловянную статуэтку странного существа, стоявшего на одной ноге, разбросав в разные стороны все свои четыре руки с вывернутыми вверх ладонями, и протянув её в мою сторону, спросил:

– Знаешь, кто это?

– Нет.

– Это Шива, одно из трех верховных индийских божеств в образе бога танца. Если первое божество – Брахма созидатель, то Шива разрушитель...

– Для чего вы мне это говорите? – спросил я.

Но ответить он не успел, ибо в комнату вошла невысокая женщина с ярко выраженными славянскими чертами лица, которые излучали уют и юмор. Она являла собой подчеркнутый контраст хозяину, и я тотчас же сообразил, что это мама Анаит. Увидев меня, она почему-то заморгала, заулыбалась и, наконец, представилась:

³ Нет (арм)

– Я – Нонна Владимировна. Да вы не слушайте его. Он любит пугать.

– Все меня в могилу сводят, – проворчал в ответ хозяин.

– Ты уже собрался помирать Тигран? – полюбопытствовала она.

– Что остается? Дети – это, как бессрочный вклад в сберкассу – получишь лишь после смерти.

– Только непременно предупреди меня, чтобы я успела сшить черное платье.

Слушая их, я понял, что Нонна Владимировна будет скорее моей союзницей. Мужа она воспринимала не без некоторой иронии, а это было мне скорее на руку. Позже я убедился, что многочисленные и разноплановые вариации на тему *memento mori* принадлежали к числу любимых мазохистских практик папы Тиграна, однако вместо паники они погружали его супругу в язвительные настроения.

Потом мы обедали. Стол накрывала бабушка Фарик – маленькая, сухонькая и многозначительно молчаливая, показывавшая всем своим видом, что понимает гораздо больше, чем говорит. Одета она была во все черное, что лишний раз подчеркивало ее отстраненность от остальных участников действия, и мне от этого стало почему-то не по себе. На меня она глянула только раз, скорее с неодобрением, но не обмолвилась.

Обмолвился хозяин, который сказал вдруг, не поднимая

глаз от тарелки с тановом⁴.

– Твоей женой она не будет...

Воцарилась такая тишина, что были слышны шаги во дворе. Анаит покраснела, опустила голову и почему-то шмыгнула носом, я растерялся и не знал, что делать с руками, которые вдруг сами по себе стали дергаться, бабушка Фарик глянула на сына вроде бы даже с поощрением, и лишь Нонна Владимировна сохраняла относительное спокойствие.

– Тебе свойственно спешить, Тигран, – заметила она и, улыбаясь, взъерошила мне шевелюру.

А я продолжал ловить на себе его тяжелый взгляд, чувствуя, как по кончикам пальцев моих рук начинает бегать какая-то странная дряблость, будто под кожей засновали мурашки. В тот день мне вообще впервые довелось испытать на себе воздействие этого человека, хотя то, что это было именно воздействие, я имел возможность убедиться гораздо позже. Тем не менее, в ту пору, да и спустя годы я никогда не думал о нем, как о чернокнижнике или колдуне, ибо никогда не видел, чтобы он занимался тем, что определяют слишком уж, на мой взгляд, общим словом «оккультизм». Да и вообще наши контакты пришлись на времена воинствующего материализма, когда все, имевшее хотя бы отдаленное отношение к области метафизического, либо вообще не воспринималось, либо воспринималось, как опасное для общества искривление, в том числе и психики. А реагировать на

⁴ Армянский суп

отца Анаит, как на «стукнутого», было, во-первых, опасно, ибо помимо всего прочего он, как стало ясно позже, был и очень мстителен, что неминуемо повлияло бы на наш роман, а во – вторых, просто несправедливо.

Работал он в строительной организации, увлекался индийской философией, был коллекционером и страстным библиофилом. В то время собирать книги было едва ли не правилом хорошего тона, ибо были они в остром дефиците, и, хотя я не исключаю, что в особо редких изданиях им держались деньги, тем не менее, читал он много и жадно, приучив к этому дочь, чем, кстати, очень гордился и чему я был обязан своим поражением в споре с ней. Что до клейма «чернокнижника», то ему, как мне кажется, он был обязан более, чем колоритной внешности. Это он понимал и старательно подчеркивал, умело сочетая старомодность с гротеском, причем до такой степени, что мне иногда казалось еще немного, и я увижу его с черным вороном на правом плече. Тем не менее, Анаит не раз говорила, что гипнозом отец все – таки владел, и что ей однажды даже довелось видеть, как он подвесил племянника между спинками стульев, которые потом убрал, а парень остался в состоянии каталептического моста. Что до меня, то под влиянием его взгляда я всегда испытывал острое желание выйти на свежий воздух.

Я не случайно говорю о свежем воздухе, поскольку наши общения, хотя и не столь частые, ограничивались замкнутым пространством все той же набитой книгами комнате, где он

без конца повторял древнюю, как мир, мудрость-все должно быть так, как должно быть, даже если и будет иначе, и рассуждал об индуизме. Я в индуизме ничего не смыслил и, признаться, интересовался им мало, поэтому мне оставалось смиренно слушать, лишь иногда вставляя случайные замечания, но он отмахивался от них, как от мухи.

Однажды я спросил, почему он назвал дочь Анаит? Он сощурил глаза и ответил вопросом:

– Что вы знаете о шумерах?

– Практически ничего, – честно признался я.

– Это древний народ, живший в Южной Месопотамии. Шумеры почитали богиню плодородия Анат, и, думаю, что армянское женское имя Анаит имеет шумерский корень. Я хотел, чтобы она хотя бы так восходила к богам.

– Сколько лет вы собираете книги? – спросил я для того, чтобы сменить тему, поскольку не хотел выглядеть невежей.

– Всю жизнь. Книги – единственное, что у меня есть.

По существу, это был сибарит, чье любимое занятие состояло в том, чтобы лежать на тахте и под армянский коньяк (другого не признавал) и сигареты «Мальборо» (которые он в ту пору доставал неизвестно где), строить из себя гуру. Я продолжал оставаться смиренным потому как больше всего боялся потерять доступ к Анаит, который заполучил, благодаря оперативному вмешательству и авторитарному воздействию Нонны Владимировны.

Я понимал, что этими беседами он прощупывает меня,

ибо все, имевшее отношение к дочери, чернокнижником подвергалось суровому контролю, вплоть до народного театра, который ей за злосчастный поцелуй пришлось все-таки покинуть. Дочь была им любима какой-то особой, депотичной и невероятно ревливой любовью, где давно укоренившаяся привычка подавлять уживалась с тонким пониманием особенностей ее возраста, а природная нетерпимость каким-то странным образом соседствовала с неожиданными приступами либерализма, когда ей вдруг разрешали ночевать у подруги, чье появление в доме так и не состоялось.

Он был кем-то вроде арбитра среди армянской «фракции» двора и как только раздавались вопли соседской тети Ашхен, которая, распустив волосы, начинала проклинать папу, маму, брата Левона и старшую сестру Гаянэ за то, что позволили ей выйти за кровопивца, в то время, как сам кровопивец сохранял вертикальное положение, только держась обеими руками за тутовник, тяжело вздыхал и, поднимаясь с тахты, шел разбираться. «Кровопивца» звали Лензин (Ленин – Зиновьев). Злые языки, правда, поговаривали, что по началу он был Лентрозин (Ленин-Троцкий-Зиновьев). Однако после выдворения Троцкого политически сообразительный папаша сократил имя на треть.

– Тигран – джан, посмотри, эта «суволочь» опять пьяный, – голосила Ашхен.

В такие минуты с чернокнижника слетал покров учености, и он возвращался к народу.

– Скажи ему, когда придет, дышать в замочную скважину. Если водкой понесет, не отпирай, пусть во дворе спит.

– А если вдруг и правда, ротом дышать станет?

– Что, совсем не отличишь? – спрашивал он и возвращался на тахту.

Как и большинство бакинских дворов того времени, где жизнь проходила на свежем воздухе, это был целый микромир с порядками, законами и интригами. Утро начиналось с того, что из окна одного из верхних ярусов высовывалась голова в бумажных бигуди:

– Варсеник, ты что, заболела?

Тотчас же открывалось окно нижнего яруса и появлялась голова в таких же бигуди:

– А что?..

– К тебе вчера доктор приходил. Беспокоюсь...

– Пайцар, к тебе два дня назад майор приходил, я ведь не спрашиваю, началась ли война?

Старый пенъ Сулейман, который с рассвета играл в нарды с другим старым пнем Мкртычем (несмотря на густеющий зной все трое, включая третьего пня Ульяна, наблюдавшего за игрой и ждущего своей очереди, были в кепках – восьми-клинках по тогдашней бакинской моде) любопытствовал:

– Завтра к ним космонавты придут, я что, буду спрашивать, собираются ли они на Марс лететь?

– Ух, ты, ах, ты, все мы космонавты, – задумчиво цитировал Мкртыч, болтая в кулаке кости.

Сулейман работал в прошлом в военкомате и потому у него, единственного во дворе, был телефон, которым пользовался весь этот «мешок». Звонили почти беспрерывно, и Сулейман вместе с женой Шафигой стоически несли ношу глашатаев, сокрушая попеременно громом и визгом весь двор. Эта чудесная азербайджанская семья почиталась здесь за мажордома и в дворовой табели о рангах вместе с папой Тиграном занимала первые позиции.

Когда, наконец, Ульянов дождался своей очереди, Шафига завопила со своего балкона:

– Автандил, начальник звонит, спрашивает, когда на работу придешь?

Автандил (типаж бессмертного товарища Саахова из «Кавказской пленницы», только чуть моложе) посвятивший себя оптовым поставкам овощей и фруктов российскому Нечерноземью и рассматривавший почтовое отделение, где ему шли и стаж, и зарплата, работой по совместительству, уже орал из окна своей пристройки снизу:

– Скажи, пусть подождет. У меня еще тридцать ящиков с грушами для Костромы не отправлено...

Как-то я тоже воспользовался этим телефоном, но черно книжник строго наказал мне впредь этого не делать.

– Мы тут, конечно, как одна семья, но помни, что в семье не без урода, – наставительно пояснил он.

Позже я узнал, что в «уродах» он держал именно Автандила, который уже давно питал нежные чувства к Анаит,

однако скорее земля начала бы вращаться с востока на запад, чем страдавшему оптовику было позволено переступить хотя бы на миллиметр за черту, которую для него отвели. (Мкртыч как-то шепнул мне, что в стремлении произвести впечатление Автандил даже удалил передние зубы, чтобы вставить золотые.) А поскольку одно из основных занятий чернокнижника в последние годы вообще состояло в том, чтобы отгонять его от Анаит, то вовсе не исключалась какая-нибудь интрига в ответ на мое появление, а что может быть для этого удобней, чем телефон Сулеймана?

В этих условиях Анаит вела себя, как образцовая армянская дочь, которой в семейной иерархии отводилось строго определенное место, и она блюла его путем полного послушания и незаметного поведения. Я приходил к ней, подробно информировал отца о маршрутах предстоящей прогулки, получал строгую установку вернуть дочь не позже половины одиннадцатого и только после этого получал высокое позволение. Обменявшись приветствиями с половиной соседей, которые почему-то оказывалась именно в данную минуту во дворе, мы выходили за арку, отделявшую эту цивилизацию от остального мира. Шли, по началу, держа дистанцию, будто были на плацу, но чем ближе был Приморский бульвар, тем меньшим становилось расстояние между нами, а когда, наконец, мы оказывались в Нагорном парке, то условности и вовсе прекращали существовать, и Анаит из зажатого существа вдруг превращалась в бойкую языкастую девчонку, лю-

бывшую целоваться и не чуравшуюся каверз. Но по мере того, как мы приближались к ее дому, она вновь завертывалась в свой кокон, увеличивала дистанцию и отвечала уже односложно. Ровно в половине одиннадцатого я сдавал ее с рук на руки, при этом чернокнижник многозначительно смотрел на часы и издавал нечто похожее на хмыканье, что, как я понял позже, на его языке означало удивленное удовлетворение.

Нам это убоготворение нужно было именно сейчас, при том такое, которое постепенно переходило бы в глубокое и полное: близился Новый год, и мы с Анаит мечтали отметить его вместе, но чтобы получить разрешение, да еще на гулянку ночью, требовалось проявление особой добродетели.

Анаит рассчитывала на все то же прикрытие, поскольку даже мысль о том, что она останется на ночь у мужчины была крамольна и вообще совершенно невозможна. Гулять собирались у того же Белого Гамлета, в чей арсенал приобретенных ремесел и навыков входило и уникальное умение выпрашивать по мере надобности своих предков, а поскольку он планировал организовать образцовый по тем временам бардачок, предки были отправлены загодя и на целую неделю.

Добро чернокнижник – таки дал, правда, с кислой, как любимый им мацони, миной и, насколько я понимаю, под сильным давлением Нонны Владимировны, которая благоволила ко мне все сильнее, показывая символические дули другим претендентам, пользующимся большей благосклонностью супруга.

Праздновали вшестером – сам Гамлет со своей Терезой, мы с Анаит и еще одна пара, отобранная специально для создания видимости приличий. Чернокнижнику было сказано, что отмечать будем у меня. Проходимца, с которым его дочь прилюдно целовалась на репетициях, он давно занес в список персон нон грата, открываемого все тем же Автандилом.

За столом мы сидели не больше полутора часов, и после того, как отзвучали новогоднее представление и Гимн Советского Союза, разошлись по комнатам, прихватив по бутылке вина. Нам с Анаит досталась спальня родителей с «секс-дромом», куда мы и повалились, не успев закрыть дверь.

Сорок лет спустя, вспоминая ту ночь, Анаит скажет:

– Я, наверное, стала бы твоей, прояви ты тогда настойчивость.

– Нет-нет, для этого я слишком дорожил тобой...

Может, мои слова нынешней молодежи покажутся странными и даже смешными, но таковы были нравы того времени и того места, той давно ушедшей, порождавшей собственных идалго цивилизации. Россияне, побывавшие в Баку в командировке, рассказывали в экстазе о тамошней манере выходить из автобусов только через переднюю дверь, бросая пятаки за проезд в кепку водителя. Да, такое было, но был и крепкий нравственный императив в душах мужчин, бросавших в кепун эти пяточки или десять копеек за проезд в «алабаше» – этом чисто бакинском решении проблемы пассажирских перевозок, когда шофер, работавший в транс-

портном предприятии на закрытом грузовике, использовал его и для доставки людей по маршруту следования.

...Я провожал Анаит в девятом часу утра. Мы возвращались беззаботно, не подозревая о катастрофе.

Нас ждали. Они стояли у двери и, судя по выражению их лиц, считали секунды. Чернокнижник был блее мела.

– Подонок, – процедил он мне белыми от бешенства губами. – Ты будешь платить за это всю жизнь! Клянусь тебе. И она тоже платить будет.

– Как вы могли? – вслед за ним хрипела Нонна Владимировна.

– Что... мог? – спросил я, внутренне холодея, потому как Анаит мгновенно исчезла, будто растворившись в родительском бешенстве.

– Чтоб твоей ноги здесь больше не было.

Это было сказано ими почти одновременно.

Дверь еще не успела захлопнуться, а я уже видел торжествующую улыбку, кривившую лицо Автандила. Он стоял у окна своей пристройки и с любопытством наблюдал за скандалом...

Мне до сих пор неизвестно, как там было на самом деле.

Говорят, под утро задребезжал телефон Сулеймана, и кто-то просил срочно позвать отца Анаит. Сулейман, пробурчал

целых два нехороших слова, что было ему совсем несвойственно, но за чернокнижником спустился. Кто звонил и что было сказано, хранилось в тайне, в том числе и от Нонны Владимировны. Знаю лишь, что они вызвали такси и оба бросились к девчонке, у которой Анаит якобы ночевала и, не застав ее дома, безуспешно принялись искать меня. Вернувшись, чернокнижник запустил в жену статуэткой Шивы, обвинив ее в сводничестве и потворстве, а потом в пароксизме ярости начал бормотать какие-то заклинания. Когда Анаит вернулась, он начал бить ее палкой, после чего за волосы потащил к гинекологу, а потом заключил под домашний арест.

Об этом мне много позже рассказала она сама.

Анаит была скупа в деталях, как, впрочем, во всем, что касалась ее жизни в родительском доме. Однако, судя по всему, этот чудовищный скандал коренным образом изменил ее отношения с отцом, и если раньше в них преобладало безграничное почитание, то теперь ей все чаще хотелось бросить вызов. Обо мне было запрещено даже думать, а на горизонте уже маячил Нерсес из очень армянской семьи. Чернокнижник отобрал его давно, причем из десятка претендентов, и только ждал повода, чтобы зажечь зеленый свет.

Увидев кандидата в женихи, Анаит совсем неожиданно для родителей топнула ногой и на гроши, заработанные пионервожатой в школе, уехала без спроса в Ленинград, поступила в медицинский институт и даже ухитрилась снять койку в большой коммунальной квартире, где ради прибавки к

стипендии мыла полы и окна. Узнав об этом, чернокнижник полностью лишил ее материальной поддержки, хотя Нонна Владимировна тайком от мужа временами все-таки подбрасывала ей десятку-другую.

Я пребывал в полном неведении и терзался догадками, несколько раз пытался объясниться с родителями, но дверь не отпирали, и даже спиной чувствовал любопытные глаза соседей. Правда однажды ко мне подошел Автандил и посоветовал не ходить. Я так и не узнал, сделал ли он это по собственной инициативе, либо по чьему-то наущению. Обиднее всего, что предложение исходило именно от него, а не тех же Ашхен или Пайцар, бросавших в мою сторону сочувствующие взгляды. В конце концов, гордость выиграла, и я заставил себя забыть дорогу сюда, без конца повторяя, что ничего дурного по отношению к Анаит мною не совершено, а случившееся между нами в ту злополучную ночь было настолько невинно, что вряд ли вообще заслуживало родительского гнева, тем более такого. Потом решил, что, скорее всего, в соответствии с тогдашними порядками ее куда – то сослали, и это меня почему-то даже успокоило.

А спустя год уехал и я.

Глава 2

Утром мне позвонил сын и сказал, что будет вечером и не один. Я знал, о ком речь, и восторга не выразил. У него полгода уже продолжался роман с разведенной особой на три года старше и с ребенком, а неделю назад он известил меня о своем намерении жениться, после чего мне пришлось вызывать скорую помощь.

Его мать, которая была осчастливлена новостью на неделю раньше, грозила самоубийством, и это было вполне в ее стиле, ибо всякий раз, когда наше чадо устраивало экспромт по женской части, она клялась наложить на себя руки, а мне оставалось лишь сожалеть, что слово в очередной раз не сдержано. Сегодня она даже снизошла до звонка, полюбопытствовав, почему я ничего не предпринимаю? В последний раз я слышал ее голос лет, кажется, пять или шесть лет назад и был так удивлен, что вместо того, чтобы бросить трубку поинтересовался и вроде бы даже вежливо:

– А почему я должен что-то предпринимать?

Поскольку в завершающий год нашей совместной жизни я уже не мог разговаривать с ней как воспитанные люди, она была удивлена не менее, чем я ей, и потому сразу же спустила с тормозов:

– Тебя не волнует, что твой сын собирается жениться на какой-то черемухе?

– Мы говорим меньше минуты, а у меня уже начинается мигрень, – пожаловался я.

– Чтоб ты сдох! – зарычала она и бросила трубку, но только для того, чтобы через минуту позвонить снова и продолжить фонтан.

– Если ты полагаешь, что я намерена сидеть, сложа руки, и наблюдать, как погибает мой единственный сын, то глубоко заблуждаешься.

– Кажется, именно это сказала тебе мать твоего третьего любовника, когда застала вас за чтением Кама Сутры.

– Нет, ты, видимо, никогда не сдохнешь! – завопила она и бросила трубку, к моему бесконечному облегчению уже окончательно.

Валерка объявился, как и обещал, – к новостям НТВ. Он довольно причудливо заимствовал родительские черты и был очень не типичен, особенно благодаря великоватому армянскому носу, обретенному у папы, и пронзительно голубым глазам, унаследованным от мамы. Неясно было, правда, в кого он такой бледнолицый, поскольку его мамаша белой, аки алебастр не была тоже. Учился он (а правильнее было бы сказать, создавал видимость учебы) на архитектора и имел наивность полагать, что я это воспринимаю всерьез.

– Мать в истерике, батя!

(Сто раз просил его не называть меня «батей». Как об стенку горох!)

– Это ее естественное состояние, – уклончиво заметил я.

– Завтра мы собираемся прийти к ней втроем.

– Кто третий?

– Ее дочь...

– А обо мне подумали? – заорал я. – Твоя мать уже звонила мне сегодня...

– Да? – искренне удивился он.

– После ее звонка я принимал «Капоприл». Можно представить, что мне грозит после того, как вы явитесь к ней всей компанией.

– Между прочим, Аглая – беременна, – сказал он и, видя, что я уже начинаю оседать, предпринял попытку успокоить: – От меня...

Когда явилась Аглая, я уже лежал на кушетке, а Валерка бегал вокруг, размахивая полотенцем. Я смотрел на избранницу и пытался понять, что в ней нашел мой сын – очень уж замухрышиста, казалось бы, воплощение гладильной доски с антеннами рук и ног плюс пакля неухоженных волос неопределенной масти.

Впрочем, похвастаться, что я всегда понимал молодежь, не могу.

– Тимур Иванович, – сразу же приступила к делу Аглая. – Почему вы против, чтобы я вышла замуж за Валеру?

– Потому что ему еще целый год учиться, и он не в состоянии содержать семью из трех человек, – почти умирающим голосом промямлил я.

– Но ведь есть еще и мой заработок...

– Боюсь, что после того, как вы уйдете в декретный отпуск, вам будет не до содержания семьи.

Судя по взгляду, который был брошен на моего сына, я понял, что парню грозит погром. Однако уже в следующую секунду была очевидна несоразмерность этого погрома тому, который уготован мне, ибо в комнату уже реактивным снарядом влетала моя бывшая, опрокинув при этом два стула, оказавшихся на ее пути. Она аномально не могла входить, она могла только влетать.

Бывшую звали Роза, и это была откровенная насмешка над именем, в чем я успел убедиться в первый год нашей совместной жизни, про себя назвав ее Шипом, искренне сожалея, что слово это не женского рода. С той поры она мало изменилась – та же высокая прическа, та же сутулость, вызывавшая во мне почему-то ассоциации с Пизанской башней, те же бордельный макияж и ураганные параметры. Как-то я заметил ей, что ее бурное дефиле из спальни в ванную по утрачку может быть самостоятельным эстрадным номером, где ничего не надо менять и в первую очередь выражение лица, которое в эти минуты чаще всего было таким, будто обвалился рубль. Теперь это лицо более, чем неопровержимо свидетельствовало, что предстоящая женитьба сына воспринимается ею как гораздо больший катаклизм, и от того мы были вправе предвкушать небывалое представление.

Продолжая наблюдать за нюансами, я в который раз убедился, что основное свойство Розы – непредсказуемая стер-

возность – осталось не вариабельным. Она ловко камуфлировала это фальшивым имиджем страдающей от непонимания бессребреницы, входя в образ всякий раз, когда обстановка складывается не в ее пользу и регулируя уровень остервенения, как температуру воды в душевой. Хотя Валерку мы ухитрились поделить примерно поровну, тем не менее, Роза неизменно устремлялась в кавалерийскую атаку, когда мое влияние на сына оказывалось сильнее, особенно при решении судьбоносных вопросов. И теперь была исполнена твердой решимости рулить.

– Можно было бы и тише, – заметил я, кивая в сторону опрокинутых стульев.

– У меня сегодня тяжелая голова! – объяснила она, не здороваясь.

– Зная тебя, могу сказать, что твоя голова хотя и тяжела, но не настолько, чтобы ты могла понять, тяжела она или нет, – уточнил я.

Не удостоив меня ответом, она обвела комнату критическим взглядом:

– Мог бы устроиться и лучше...

– Что тебе до нас... – заметил я.

Впрочем, можно было и не замечать. Внимание потенциальной свекрови было уже сосредоточено исключительно на подруге сына, которая уже начинала ерзать.

– Скажите мне, от кого ваш ребенок, – потребовала она тем визгливым тоном, который неизменно вызывал во мне

желание наложить на себя руки.

– Валерий, почему ты позволяешь ей говорить мне подобные вещи?! – воскликнула Аглая гораздо более хладнокровно, чем можно было ожидать.

– Мама, как ты можешь задавать такие вопросы?! – совершенно несчастным голосом завопил Валерка, которого она всю жизнь пыталась подавить, но, судя по смелости его выбора, так и не сумела.

– Могу, представь. Именно я и могу... – отрезала она и, не дождавшись ответа, продолжила допрос: – Этот ребенок родился хотя бы в законном браке?

Тут поднялся уже я и сделал то, о чем мечтал всю свою жизнь, – залепил ей пощечину. Не ожидая этакой прыти от сусального интеллигентишки, коим, по ее убеждению, я был, она повалилась на диван и уже оттуда испепеляла меня взглядом, где бешенство соседствовало с испугом, а удивление с жадой мести.

– Браво, батя! – воскликнул Валерка.

– Валерий, немедленно уйдем отсюда, – потребовала Аглая, в голосе которой, наконец, появились слезы. Видно было, что она исполнена решимости, но эта решимость не очень вязалась с ее хрупким обликом.

– Ты, конечно, можешь уйти, сынок, – зашипела Роза – но знай, что ты ко мне больше не придешь, если даже очень захочешь кушать.

– Голодать он не будет, это я вам обещаю, – парировала

Аглая, срывая с вешалки куртку.

– Он не пойдет с тобой, – в голосе матери уже слышалась открытая угроза.

– Нет, пойдет, – Аглая не угрожала, а жестко цедила слова, но так, что это уже походило на открытое сражение двух женщин, в котором, хотя преимущества не было ни у той, ни у другой – правда все-таки оставалась за гонимой, и Роза это прекрасно понимала. Герой скандала делал то, что, наверное, делало бы на его месте большинство мужчин – с несчастьем на лице бегал по комнате и махал руками, уподобившись ветряной мельнице.

– И ты пойдешь, Валерий? С этой девкой?

– Да, и знаете, почему? – Аглая уже захватывала преимущество и теперь стремилась удержать его. – Потому что знает, я люблю его, и у нас будет ребенок. – Это было сказано так, будто сообщалось о покупке новых джинсов.

– Что?! – завопила Роза и, видимо, забыв о полученной минуту назад оплеухе, заорала уже мне: – Почему молчишь, идиот? Твоего сына захомутали. – И потом, уже повернувшись к Аглае: – Конечно, такие парни на дороге не валяются, только запомни, он не для тебя...

– Иди, сынок, – сказал я. – Иди.

– Нет, тут определенно все пошло с ума! – голосила Роза, как в старые добрые времена, когда я накрыл ее со вторым любовником, и она во всю мощь своих луженых легких доказывала, что именно я толкнул ее в объятия другого муж-

чины. В почти аналогичной ситуации, но с первым любовником она пыталась убедить меня, что во всем виновата адская жара, превращающая людей в сексуальных маньяков. Впрочем, она могла и не утруждать себя поиском аргументов, поскольку против ее маниакальности я ничего не имел, и мог только благодарить погодные аномалии.

После того, как Роза заговорила о коллективном помешательстве, случилось нечто, чего я совсем не ждал. Аглая подошла ко мне и со словами «Спасибо, Тимур Иванович» чмокнула меня в небритую щеку. Однако, похоже, на том соперничество не кончилось, ибо, будущая бабушка сделала то, что бабулям делать не пристало – врезала будущему дедуле по той же щеке, по которой получила от него. Я надеялся, что после этого она, наконец, уйдет, но ушли только Валерка с Аглаей, и мне ничего не оставалось, как бросить в ее сторону взгляд, исполненный мольбы оставить меня, наконец, в покое. Когда стало ясно, что в ее ближайшие планы это не входит, я спросил уже прямо:

– Ты еще долго?

Вместо ответа она уселась и, не спуская с меня глаз, вытащила пачку сигарет. Я ненавижу запах табака, но молчал. Мне были хорошо известны ее повадки: предстоит очередной виток скандала, а дискуссия по поводу курения только растянет его.

– Я смотрю, ты решил играть роль либерального папочки, – наконец, сказала она, затянувшись и выдержав продол-

жительную паузу.

– Понимай, как хочешь, только поскорей уйди.

– Я уйду. Только позволь мне прежде сказать тебе, что ...

– Знаешь, в чем твоя патология? – Перебивая, я постарался изобразить ехидную улыбку, хотя не был уверен, что это получилось. – В том, что ты болезненно не можешь быть оригинальной...

– Вот уж не знаю, что страшнее – отсутствие обретенной оригинальности или врожденная наивность? – парировала она. – Ты прожил больше шестьдесят лет и так и не понял, что нет ничего хуже в таких делах, чем либерализм, а прочный брак по любви это такая же химера, как и социальная справедливость.

– Ты все сказала?

– Нет, не все. Подумай только, на что ты себя обрекаешь! Если они станут жить вместе, я отрешусь от них раз и навсегда. И дети – один здравствующий, другой грядущий (если это, конечно, не шантаж) – повалятся на тебя с твоими гипертонией, неврозами и артритами... Не пройдет и полугода, как сыграешь в ящик.

– Тебя это беспокоит?

– Нет, признаться. Только перед смертью постарайся все же сообразить, что брак долговечен только тогда, когда стороны строго соблюдают установленные ими же правила игры. Все остальное – миражи и фантазии...

– И ты их устанавливала?..

Она посмотрела на меня скорее многозначительно, чем зло.

– Все еще не можешь простить мне любовников?

– Давно простил...

– Врешь...

И раздавив сигарету в блюдце, она предприняла попытку к назиданию, как бывало всякий раз, когда речь заходила об ее амурных делах.

– Знаешь, почему врешь? Да потому, что так и не дошел ты до золотого житейского правила: хороший «левачок» оздоравливает семью... Я же не мешала тебе заводить любовниц. Вот бы и играли каждый в свои игры и были бы квиты. Так нет же, считал моих леваков, а сам об идеальной любви грезил и вздыхал о счастье в шалаше. И что же? Ты – у разбитого корыта. Жалкий Донкихотишка. Так, где же твоя Дульсинея, дурак старый?

– Вон отсюда! – заорал я.

– Ухожу, – сказала она, поднимаясь. – Только запомни – костыми лягу, но не допущу, чтобы моего сына ждала твоя судьба.

– Это решать уже не тебе.

Глава 3

1

Поселок, куда я уехал, был типичный северный посад, где за свой южный колорит я тотчас же был прозван Хулио. Занимался он лесозаготовками, сельским хозяйством, чинопочитанием и устройением бурь в стакане воды. Было еще, правда, захудалое производство по выпуску фанерной тары, а еще строилась ГРЭС. По такому делу были сооружены два семейных общежития, в одном из которых мне посчастливилось получить комнатенку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.